

УДК 94(571.1/.5)“1920/1940”
ББК 63.3(253)6
DOI [10.17150/2308-2588.2017.18\(1\).127-151](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2017.18(1).127-151)

Р. Е. Романов

*Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

«ДЕТИ НЭПА»: ЮНЫЕ ТРУЖЕНИКИ СИБИРСКОГО ТЫЛА КАК ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (1920-е — первая половина 1940-х годов)

Аннотация. В статье выявлены мобилизационные возможности первого советского поколения сибиряков, ставшего следствием большой демографической «волны» 1920-х гг., и масштабы их реализации в региональной экономике в годы Великой Отечественной войны. Проанализированы численность и половой состав «детей НЭПа» по переписи 1939 г., влияние на формирование этого трудового потенциала динамики рождаемости и смертности в межвоенный период, интенсивных миграций в первой половине 1940-х гг. Показаны количественные характеристики подростков и молодежи, направленных в отрасли народного хозяйства, их доля в составе рабочих, служащих и колхозников в военное время. Сделан вывод о том, что поколение юных тружеников сибирского тыла являлось экономико-демографическим феноменом, сложившимся в своей основе в результате взаимодействия двух процессов — естественного воспроизводства населения в 1920-е — 1930-е гг. и государственной мобилизационной политики 1941–1945 гг.

Ключевые слова. Сибирский тыл, трудовой потенциал, мобилизационные возможности, «дети НЭПа», подростки, молодежь.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Людской потенциал Сибири в условиях системной трансформации российского общества в XX веке», № 16-01-00412.

R. E. Romanov
*Institute of History SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation*

«CHILDREN OF NEP»: YOUNG WORKERS OF THE SIBERIAN REAR AS AN ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PHENOMENON (1920s — first half of the 1940s)

Abstract. The article reveals the mobilization opportunities of the first Soviet generation of Siberians, which resulted from the great demographic «wave» of the 1920s, and the scale of their implementation in the regional economy during the Great Patriotic War. The number and sex composition of the «children of the NEP» were analyzed according to the 1939 census, the impact on the formation of this labor potential of the dynamics of fertility and mortality in the interwar period, and intensive migrations in the first half of the 1940s. The quantitative characteristics of adolescents and young people directed to the national economy sectors are shown, their share in the composition of workers, employees and collective farmers in wartime. The conclusion is drawn that the generation of young workers of the Siberian rear was an economic and demographic phenomenon, formed as a result of the interaction of two processes — the natural reproduction of the population in the 1920s — 1930s and the state mobilization policy of 1941–1945.

Keywords. Siberian rear, labor potential, mobilization opportunities, «children of the NEP», adolescents, young people.

Funding. The study was implemented with financial aid of RFBR, project «Human potential of Siberia in the conditions of systemic transformation of Russian society in the XX century», № 16-01-00412.

В годы Великой Отечественной войны одним из региональных факторов развития советской экономики являлся трудовой потенциал сибирского тыла. К нему относились неработающие горожане и селяне в возраст

те от 12–13 до 65–70 лет, способные занять производственные вакансии. В военное время значение данных групп населения в пополнении предприятий,строек, колхозов и совхозов рабочей силой увеличилось, что было вызвано ростом числа вакантных мест в народном хозяйстве восточных районов страны. Возможности мобилизации людских резервов обуславливались, прежде всего, их количественными характеристиками, зависевшими от демографической ситуации. На фоне миграций, первостепенное место в ней занимало естественное воспроизводство населения в конце XIX – 30-е гг. XX в., сыгравшее решающую роль в формировании трудовых ресурсов сибирского тыла. Особое значение в изучаемом процессе приобрел всплеск рождаемости в стране и особенно в рассматриваемом регионе в 1920-е гг., вызванный переходом к НЭПу. Появившееся в это время на свет поколение¹, в 1941–1945 гг. стало главным человеческим фактором победы СССР не только на театре боевых действий, но и в военной экономике. В связи с этим, представляется весьма актуальным изучение поколения юных тружеников военной поры как экономико-демографического феномена, имевшего конкретно-историческую специфику.

Проблемы взаимообусловленности людского и хозяйственного потенциала России традиционно являлись предметом научного анализа в отечественной экономической демографии. В 1970–1980-е гг. в рамках новой научной дисциплины было показано, как воздействие производительных сил на формирование населения, так и его обратное влияние на народное хозяйство [1; 2; 7; 13]. В частности, изучался опыт воспроизводства и применения трудовых ресурсов в восточных районах страны [12; 15] накануне и в годы «пе-

¹ Под поколением понимается совокупность людей, родившихся и вступивших в трудовую жизнь в одно и то же историческое время. «Дети НЭПа» – поколение, появившееся на свет в 1920-е гг. и включившееся в общественное производство главным образом накануне и в годы Второй мировой войны.

рестройки». В 1990–2000-е гг. экономисты-демографы выявили зависимость трудового потенциала от рождаемости, смертности, миграций и социальной структуры населения России [14] и ее регионов [8; 9]. Одной из особенностей современных исследований выступал аналитический обзор данной тематики в исторической панораме XX столетия.

Проблема роли людских масс в развитии российской экономики ставилась и решалась в работах историков и историков-демографов. В центре внимания оказались особенности формирования и роста совокупных возможностей промышленного персонала Восточной Сибири в период «оттепели» и «застоя» [11], практики мобилизации трудовых ресурсов Западной Сибири в годы Второй мировой войны [5], осуществление которых обуславливалось динамикой естественного прироста и миграционных потоков в первые четыре десятилетия XX в. Вместе с тем, вопрос о значении демографических «волн», связанных с рождением и вхождением в жизнь различных поколений, в экономическом развитии сибирского тыла еще не стал предметом глубокого научного анализа. В данном исследовании предпринимается попытка выявить это значение в контексте истории поколения сибиряков, родившегося в период НЭПа. С одной стороны, устанавливается влияние рождаемости и смертности в 1920–1930-е гг. на формирование и возможности мобилизации рассматриваемой возрастной группы населения Сибири в военное время. С другой стороны, выявляются масштабы государственной политики по применению данного мобилизационного ресурса в народном хозяйстве региона в 1941–1945 гг.

Методологической базой исследования является концепция людского потенциала. Согласно этой концепции, его компонентами служат все население, резервы для вооруженных сил, трудовые ресурсы и человеческий капитал. Взаимодействие между демографической

и экономической сферами выражается в том, что воспроизводство населения детерминирует формирование той или иной совокупности рабочих рук, а интенсивность хозяйственной деятельности — их востребованность в производстве. В годы войны эта востребованность достигла исторического максимума, что нашло отражение в проведении советским правительством трудовых мобилизаций. Мобилизационные практики были воплощены в жизнь не только благодаря командно-административным рычагам, но и демографическому поведению традиционного российского общества.

Источниковой базой исследования является демографическая и хозяйственная статистика. К первой группе источников относятся материалы переписи 1939 г., дающие представление о численности «детей НЭПа» в Сибири накануне войны. Ее сравнительный анализ с количественными характеристиками других возрастных групп позволяет выявить возможности привлечения юного поколения в региональную экономику. Полученный массив данных сопоставлялся с имеющимися в научной литературе сведениями о рождаемости и смертности в азиатской части России в 1880–1940 гг., о миграциях, трудовых резервах, направленных на предприятия, в ремесленные училища и школы ФЗО, задействованных в колхозах и совхозах в военное время. В целом такое сопоставление способствовало выявлению взаимодействия между процессами воспроизводства населения и рабочей силы в 1920-е — первой половине 1940-х гг.

Демографический компонент трудового потенциала Сибирского тыла

Для оценки мобилизационных возможностей трудового потенциала сибирского тыла необходимо сначала выявить его демографический компонент. Последний включал процессы формирования, численность и возрастную структуру населения, использовавшегося

в военной экономике региона в 1941–1945 гг. Эти факторы обуславливали количественные характеристики поколения «детей НЭПа», влиявшие на мероприятия государства по привлечению незанятых сибиряков в народное хозяйство.

Численность и структура трудового потенциала Сибири по переписи 1939 года. С учетом хронологического интервала войны на момент проведения переписи 1939 г. под трудовым потенциалом следует понимать совокупность гражданских лиц в возрасте от 6 до 69 лет. Нижние возрастные границы этой категории объясняются расширением с лета 1941 г. занятости подростков 12–14 лет, верхние — пенсионеров. В конце 1930-х гг. из 14,3 млн жителей Сибири в военное производство могло быть направлено не более 11,6 миллиона (табл. 1). Более половины потенциальных работников составляли лица в возрасте от 6 до 29 лет, треть — от 30 до 59 лет, менее одной двадцатой — от 60 лет и старше. Свыше четверти из них являлись «детьми НЭПа», преобладавшими над остальными возрастными категориями. Такое преобладание особенно отчетливо видно на фоне количественного соотношения однолетних когорт в разных поколениях. Средняя численность одной когорты среди родившихся в 1921–1929 гг. была выше, чем в более старших и младших группах населения. В перспективе люди, родившиеся в 1920-е гг., становились основным мобилизационным ресурсом грядущей войны.

На что должен был прежде всего работать этот ресурс — на армию или экономику? Для ответа на вопрос необходимо охарактеризовать половую структуру изучаемого людского потенциала. В 1939 г. более половины населения Сибири от 6 до 69 лет составляли женщины (табл. 2). Женский перевес имел место во всех рассматриваемых поколениях сибиряков. Среди «детей НЭПа» диспропорция между полами являлась одной из наименьших. Однако на уровне однолетних когорт

гендерное соотношение характеризовалось заметной неоднородностью. Среди детей от 9 до 11 лет преобладание девочек неуклонно снижалось и среди 12-летних подростков превалировали уже мальчики. Однако с 13-летнего возраста вновь появлялся женский перевес, резко возраставший в юношеских когортах. По половому признаку контингент лиц 1921–1929 гг. рождения был в большей степени «заточен» под трудовые, а не воинские мобилизации. Кроме девушек и подростков, под них подпадали также несовершеннолетние юноши, которые после поступления на оборонные предприятия могли получить «броне» от призыва в армию.

Таблица 1

**Численность и возрастная структура
трудового потенциала Сибири по переписи 1939 г.**

Год рождения	Число одно-летних когорт	Возраст на 1 января 1939 г.	Возраст на 1 января 1945 г.	Численность возрастных групп на 17 января 1939 г.		Средняя численность одной когорты	
				тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1932–1930	3	6–8	12–14	1034,0	8,9	344,7	3,0
1929	1	9	15	-	-	361,2	3,1
1928	1	10	16	-	-	417,7	3,6
1927	1	11	17	-	-	394,7	3,4
1926	1	12	18	-	-	440,5	3,9
1925	1	13	19	-	-	388,5	3,4
1924	1	14	20	-	-	356,3	3,1
1923	1	15	21	-	-	316,6	2,7
1922	1	16	22	-	-	289,8	2,5
1921	1	17	23	-	-	244,7	2,1
1929–1921	9	9–17	15–23	3210,0	27,6	356,7	3,1
1920–1909	12	18–29	24–35	3037,0	26,1	253,1	2,1
1908–1899	10	30–39	36–45	1930,9	16,6	193,1	1,7
1898–1889	10	40–49	46–55	1126,7	9,7	112,7	1,0
1888–1879	10	50–59	56–65	810,3	7,0	81,0	0,7
1878–1869	10	60–69	66–75	483,3	4,2	48,3	0,4
<i>Всего</i>	63	6–69	12–75	11632,2	100,0	184,6	1,6

Составлено по данным: Всесоюзная перепись 1939 года. Возрастной состав населения краев, областей, автономных республик, автономных областей и округов РСФСР [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php.

Таблица 2

**Половозрастная структура трудового потенциала
 Сибири по переписи 1939 г.**

Год рожде- ния	Воз- раст на 1 ян- варя 1939 г.	Воз- раст на 1 ян- варя 1945 г.	Всего		Мужчины		Женщины	
			тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1932–1930	6–8	12–14	1 034,0	100,0	515,7	49,9	518,3	50,1
1929	9	15	361,2	100,0	179,0	49,6	182,2	50,4
1928	10	16	417,7	100,0	207,1	49,6	210,6	50,4
1927	11	17	394,7	100,0	197,0	49,9	197,7	50,1
1926	12	18	440,5	100,0	221,6	50,3	218,9	49,7
1925	13	19	388,5	100,0	193,9	49,9	194,6	50,1
1924	14	20	356,3	100,0	177,4	49,8	178,9	50,2
1923	15	21	316,6	100,0	157,4	49,7	159,2	50,3
1922	16	22	289,8	100,0	142,5	49,2	147,3	50,8
1921	17	23	244,7	100,0	119,2	48,7	125,5	51,3
1929–1921	9–17	15–23	3 210,0	100,0	1 595,1	49,7	1 614,9	50,3
1920–1909	18–29	24–35	3 037,0	100,0	1 493,1	49,2	1 543,9	50,8
1908–1899	30–39	36–45	1 930,9	100,0	960,7	49,8	970,2	50,2
1898–1889	40–49	46–55	1 126,7	100,0	538,9	47,8	587,8	52,2
1888–1879	50–59	56–65	810,3	100,0	354,0	43,7	456,3	56,3
1878–1869	60–69	66–75	483,3	100,0	238,1	49,3	245,1	50,7
<i>Всего</i>	6–69	12–75	11 632,2	100,0	5 695,6	49,0	5 936,6	51,0

Составлено по данным: Всесоюзная перепись 1939 года. Возрастной состав населения краев, областей, автономных республик, автономных областей и округов РСФСР [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php.

В целом многочисленные «дети НЭПа» обладали наибольшими мобилизационными возможностями, в первую очередь, с экономической точки зрения. Но какой естественно-демографический процесс способствовал возникновению данного явления – рождаемость или смертность? Такая постановка вопроса объясняется тем, что в 1920–1930-е гг. именно эти процессы, а не миграции², занимали ключевое место в форми-

² В 1920–1930-е гг. в Сибири ежегодно число новорожденных в несколько раз превышало общее количество мигрантов, прибывших в регион.

ровании детских, подростковых и юношеских когорт жителей Сибири.

Естественное воспроизводство населения Сибири в конце XIX – 30-е гг. XX века. Причина наиболее весомой доли подростков и юношества в трудовом потенциале сибирского тыла корениться в динамике рождаемости и смертности в регионе, которую можно проследить за период с 1880 по 1940 г. Особенности естественного воспроизводства в эти десятилетия нашли рельефное отражение в половозрастном составе населения предвоенных и военных лет. Данный процесс носил волнообразный характер, что обуславливалось воздействием ряда факторов на демографическое развитие Азиатской России. В связи с этим, в рассматриваемый шестидесятилетний период следует выделить пять этапов формирования населения Сибири:

1. 1880–1914 гг. – высокая рождаемость и смертность, характерная для традиционно-аграрного общества. В это время среди каждой тысячи жителей региона на свет появлялось от 47 до 54,8 чел., уходило из жизни – от 32 до 36,7 чел. Естественный прирост увеличился с 13–14 до 19,6 ‰ [5, с. 14, 24; 4, с. 435]. В 1906–1914 гг. на фоне незначительного снижения смертности, концентрировавшейся в основном среди малолетних детей и стариков, число рождений резко возросло. В начале Великой Отечественной войны самое большое поколение дореволюционной Сибири, достигшее 27–35 лет, стало одним из важнейших источников комплектования действующей армии.

2. 1915–1922 гг. – снижение рождаемости и увеличение смертности в обстановке крупномасштабных военных конфликтов. В годы Первой мировой войны на тысячу сибиряков рождалось 35–36 чел., умирало – 32–35 чел.³ Падение количества новорожденных привело к сокращению положительного естественного

³ Оценочные данные автора.

прироста до минимальных значений. В период Гражданской войны рождаемость немного выросла, но ее вследствие боевых действий, террора, голода и эпидемий поглотила сверхсмертность. К 1941 г. демографическое «эхо» второго десятилетия XX в. негативно сказалось, как на численности молодых людей 20–26 лет, так и людей среднего возраста.

3. 1923–1928 гг. — рост рождаемости и снижение смертности, связанные с возвращением сибирского крестьянства к мирной и стабильной жизни. В период короткого расцвета НЭПа число родившихся на тысячу горожан достигло 37–42 человек, умерших — 21–23, селян — 55–57 и 22–25 человек. Естественный прирост в городах региона достиг 16–19 ‰, в селах — 32–33 ‰ [4, с. 436]. Демографический «взрыв» в деревне являлся результатом восстановления традиционного воспроизводства населения, усиленного компенсаторной рождаемостью после Гражданской войны. В силу сочетания этих факторов в начале 1940-х гг. в Сибири стало особенно много несовершеннолетней молодежи, способной заменить мобилизованных в армию рабочих и колхозников.

4. 1929–1933 гг. — сокращение рождаемости и повышение смертности в условиях форсированной индустриализации и коллективизации. Резкое ухудшение демографических показателей в начале 1930-х гг. было вызвано голодом, охватившим ряд районов СССР, включая Сибирь. Снижение числа рождений происходило на фоне сверхсмертности, связанной с голодным существованием людей. В 1932–1933 гг. из-за роста эпидемических заболеваний Сибирский регион потерял от 700 тыс. до 1 млн человек [4, с. 437]. Эти избыточные потери населения приходились не только на малолетних детей и стариков, но и на подростков, молодежь и их родителей. Накануне войны последствия голода, выражавшиеся в преимущественной гибели мужчин, про-

явились в наличии женского перевеса в структуре молодого поколения, в том числе «детей НЭПа».

5. 1934–1940 гг. — нестабильная динамика рождаемости и смертности, зависевшая от снижения темпов индустриализации, завершения коллективизации и голода, репрессий, подготовки страны к новой войне. В этот период на формирование трудовых ресурсов сибирского тыла влияла лишь смертность, остававшаяся на уровне 18–20 ‰ [5, с. 76]. Ее неодинаковый уровень в разных возрастных группах населения служил важным условием воспроизводства рабочей силы. В 1940 г. в Западной Сибири первое место по количеству умерших на тысячу человек занимали дети до четырех лет (97,8 ‰), второе — старики (60,3 ‰). Затем шли мужчины и женщины 50–59 (16,1 ‰), 40–49 (11,3 ‰), 30–39 (7,3 ‰), 20–29 (5,0 ‰), дети 5–9 (4,7 ‰), юноши и девушки 15–19 (4,2 ‰), дети и подростки 10–14 (2,6 ‰) лет [5, с. 79]. Такая очередность отражает нормальное соотношение смертности в различных поколениях сибиряков, типичное для периода 1880–1940 гг. (за исключением Гражданской войны и голода 1932–1933 гг.). Она свидетельствует о том, что в возрастной категории от 10 до 19 лет число смертей было минимальным. К началу войны люди, родившиеся между 1919 и 1930 г., являлись самым жизнеспособным элементом людского потенциала Сибири.

В целом причины многочисленности «детей НЭПа» в восточных районах России скрывались не только в предельном увеличении числа новорожденных в 1920-е гг., но и минимальности случаев ухода из жизни в подростково-юношеской среде. Поколение будущих рабочих и колхозников росло в благоприятной демографической обстановке. Исключением стал лишь период голода начала 1930-х гг., который, однако, не смог нейтрализовать влияние большой демографической «волны» 1923–1928 гг. на трудовой потенциал сибирского тыла.

Изменения в численности и структуре трудового потенциала Сибири в годы Великой Отечественной войны

Как отмечалось выше, накануне войны максимальную численность потенциальных работников экономики сибирского тыла можно оценить в 11,6 млн человек. Жители региона 1921–1929 гг. рождения составляли 3,2 млн человек или 27,6 % (см. табл. 1). Данное поколение являлось самой крупной и жизнестойкой категорией трудоспособного населения. Однако прямое вовлечение СССР в мировой вооруженный конфликт внесло огромные коррективы в его количественные и качественные характеристики.

Внезапно развернувшиеся военные события вызвали череду армейских мобилизаций. В первой половине 1940-х гг. из Сибирского военного округа в вооруженные силы было направлено 2,6 млн человек [6, с. 115] или две трети мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Вместе с предвоенными призывами общий мобилизационный контингент можно оценить в пределах трех миллионов человек. Не менее трети призванного контингента составляли юноши 1921–1927 гг. рождения (в 1939 г. — 1,2 млн чел.). В 1941–1943 гг. только Новосибирская область (в границах 1941 г.) отдала действующей армии около 600 тыс. военнообязанных, в том числе в возрасте от 18 лет до 21 года — 180 тыс. [5, с. 246–247]. Массовый уход призывников и резервистов в РККА обусловил их вымывание из половозрастной структуры жителей региона. С января 1939 по август 1942 г. в Новосибирской области количество мужчин от 16 до 59 лет уменьшилось на 429,6 тыс. человек⁴. В целом по Сибири призывные кампании сократили предельный трудовой потенциал примерно до 8,5 млн человек или на четверть от уровня 1939 г. Значительная доля потерь пришлась на «детей НЭПа», что способствовало сужению данного резерва рабочей силы. Но даже при условии «изъя-

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 36.

тия» из региона всех военнообязанных юношей в этом резерве оставалось не менее двух миллионов человек, а в действительности — несколько больше. Почти каждый четвертый труженик тыла принадлежал к поколению 1920-х гг.

Другим фактором, влиявшим на динамику людских ресурсов, являлась эвакуация второй половины 1941–1942 гг. На 1 января 1943 г. в Сибири находилось 1020,3 тыс. эвакуантов, в том числе 456 тыс. трудоспособных [10, с. 83]. Основная масса последних состояла из женщин и подростков, включавшихся в соответствующие половозрастные группы сибиряков. В 1939 г. в Новосибирской области насчитывалось 1121,5 тыс. женщин 16–59 лет и 442,7 тыс. подростков 12–15 лет, на 1 августа 1942 г. — 1326,6 и 574,3 тыс. человек⁵. В частности, мигранты смогли заменить три четверти людского контингента, утраченного в ходе военных мобилизаций. В свою очередь, юные эвакуанты по большей части компенсировали убыль молодежи призывного возраста. В целом по Сибири картина была гораздо менее благоприятной в силу неравномерного размещения эвакуированного населения. Начиная с 1943 г. многие выходцы из европейской части страны оказались вовлечены в набирающую обороты реэвакуацию. В связи с этим возможности экономической мобилизации сибиряков 1921–1929 гг. рождения зависели не столько от миграционных пополнений, сколько от людских ресурсов, которые не были изъяты из региона в ходе военно-мобилизационных кампаний.

В годы войны в условиях интенсивного комплектования вооруженных сил поколение «детей НЭПа» в сибирском тылу сократилось приблизительно на треть. Эвакуация 1941–1942 гг. лишь частично и временно сгладила его убыль, вновь усилившуюся после подь-

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 30, 36.

ема обратной миграционной волны. Основная масса подростков и юношества, по-прежнему, относилась к местному трудовому потенциалу, мобилизационные возможности которого коренились в особенностях естественного воспроизводства этих возрастных групп в 1920–1930-е гг.

Экономический компонент трудового потенциала Сибири в годы Великой Отечественной войны

Для оценки масштабов государственной политики по мобилизации трудового потенциала в военное время необходимо выявить его экономический компонент. Этот компонент включал комплекс законодательных норм и правоприменительных практик, стимулировавших занятость горожан и селян, а также численность и состав гражданского населения, задействованного в общественном производстве. Данные факторы оказывали влияние на половозрастную структуру рабочих и колхозников, являющуюся показателем преимущественного привлечения в народное хозяйство крупнейших трудоспособных контингентов.

Мобилизация трудового потенциала в отрасли военной индустрии. С первых дней войны высшее руководство страны обратилось к мобилизационным механизмам решения острой кадровой проблемы в ведущих отраслях экономики. 30 июня 1941 г. при СНК СССР был создан Комитет по распределению рабочей силы, приступивший к руководству учетом и призывом на предприятия незанятых жителей городов и сел. После принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. трудовые мобилизации приобрели характер крупномасштабных всесоюзных кампаний. Согласно данному закону обязательному трудоустройству в промышленности и строительстве подлежали горожане – мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. От него освобождались юно-

ши и девушки 16–18 лет, поступавшие в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО, матери с детьми до восьми лет, учащиеся высших и средних учебных заведений⁶. С сентября 1942 г. в призывные контингенты включались женщины 46–50 лет, с августа 1943 г. — с детьми от четырех до восьми лет. Эти положения составляли нормативную основу государственной политики в сфере занятости до прекращения трудовых мобилизаций в июле 1945 г.

Однако правоприменительная практика фактически выходила за рамки установленной сферы действия указа от 13 февраля 1942 г. На заводы и фабрики направлялись не только выходцы из городских, но и сельских поселений. К работе у станка привлекались подростки от 13 до 15 лет, в том числе учащиеся школ. В период функционирования мобилизационного законодательства под него попадали лица мужского пола 1887–1932 гг. рождения и женского пола 1892–1932 гг. рождения. Негодные к строевой службе резервисты и спецконтингент направлялись в рабочие батальоны и колонны.

Решающее значение в кадровом обеспечении военной индустрии сибирского тыла имело гражданское население. С февраля 1942 по июль 1945 г. в ее отрасли в порядке призыва поступили почти полмиллиона человек. Непосредственно на предприятия пришли 218,3 тыс. человек, в гострудрезервы — 261,6 тыс. человек. Доля первого трудового потока составляла 45,5 %, второго — 54,5 % (табл. 3). Более половины мобилизованных состояло из подростков и молодых людей от 13 до 18 лет, осваивавших заводские профессии в ремесленных училищах и школах ФЗО. В 1942–1943 гг. в

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4341.htm.

их числе находились лица, родившиеся в 1924–1930 гг., в 1944–1945 гг. — в 1926–1932 гг. Среди тружеников, прибывших непосредственно на производство, было много девушек от 16 до 25 лет (1917–1929 гг. рождения). Эти факты свидетельствуют о том, что в задействованном людском потенциале преобладали «дети НЭПа», составлявшие львиную долю юношей и девушек, одевших рабочие спецовки.

Таблица 3

**Мобилизация гражданского населения
 в промышленность, строительство и учебные заведения
 гострудрезервов Сибири в феврале 1942 — июле 1945 г.**

Год	Всего		В промышленность и строительство		В ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1942	215,3	100,0	86,1	40,0	129,2	60,0
1943	173,4	100,0	80,9	46,7	92,5	53,3
1944	74,5	100,0	39,9	53,6	34,6	46,4
Январь — июль 1945	16,7	100,0	11,4	68,3	5,3	31,7
<i>Всего</i>	479,9	100,0	218,3	45,5	261,6	54,5

Составлено по данным: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 82.

О широкой прослойке поколения 1920-х гг. в составе новых рабочих свидетельствует соотношение между трудмобилизованными и выпускниками учебных заведений гострудрезервов. В 1942–1944 гг. ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО служили важнейшим рычагом распределения трудовых ресурсов между отраслями народного хозяйства (табл. 4). Благодаря его использованию в промышленность, строительство и транспорт Сибири включалась основная масса несовершеннолетней молодежи, направлявшейся в ключевые сферы военной экономики. Более 70 % воспитанников трудрезервов являлись выходцами из сибирского села, вливавшимися в рабочий класс.

Таблица 4

Мобилизационные формы комплектования рабочих кадров сибирской индустрии в 1942–1944 гг.

Год	Всего		Трудовые мобилизации в промышленности и строительстве		Выпуск из учебных заведений гострудрезервов	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1942	174,4	100,0	86,1	49,4	88,3	50,6
1943	181,1	100,0	80,9	44,7	100,2	55,3
1944	88,0	100,0	39,9	45,3	48,1	54,7
<i>Всего</i>	443,5	100,0	206,9	46,7	236,6	53,3

Составлено по данным: ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 86–88; [3, с. 303].

В условиях мобилизационных кампаний доля подростков и молодых людей до 25 лет среди сибирских рабочих значительно увеличилась. В промышленности региона она выросла в среднем с 30–35 % в 1940 г. до 60 % в 1943 г. В 1942–1943 гг. на омских заводах удельный вес юношества достиг не менее 60 %, на красноярских — от 70 до 90 %⁷. В конце 1943 г. на предприятиях Новосибирска данный показатель равнялся 60 %, в середине 1944 г. — 53,0 %⁸. В целом по народному хозяйству роль юного поколения в формировании производственного персонала была существенно ниже. В начале 1945 г. молодежь в возрасте 14–25 лет составляла свыше трети индустриальных кадров Сибири (табл. 5). Она являлась самой крупной половозрастной группой рабочих и служащих, занятых на предприятиях, стройках и железной дороге. Основным костяк нового поколения производственников состоял из юношей и девушек 1921–1929 гг. рождения.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. П-17. Оп. 122. Д. 33. Л. 103; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 534. Л. 77.

⁸ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1770. Л. 51; Ф. П-190. Оп. 2. Д. 229. Л. 81; Д. 311. Л. 32–33; Д. 612. Л. 28.

Таблица 5

**Половозрастная структура рабочих и служащих
 промышленности, строительства и железнодорожного
 транспорта Сибири на 1 января 1945 г.**

Возраст- ные груп- пы, лет	Годы рожде- ний	Мужчины		Женщины		Всего	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
14-15	1930-1929	18,9	1,9	11,0	1,1	29,9	3,0
16-17	1928-1927	49,2	5,1	49,7	5,1	98,9	10,2
18-25	1919-1926	77,3	8,0	156,1	16,0	233,4	24,0
14-25	1930-1919	145,4	15,0	216,8	22,2	362,5	37,2
26-35	1918-1909	130,1	13,4	129,4	13,3	259,5	26,7
36-49	1908-1895	150,6	15,5	86,5	8,9	237,1	24,4
50-54	1894-1889	52,7	5,4	14,9	1,5	67,6	6,9
55 и старше	до 1888	39,2	4,0	6,6	0,8	45,8	4,8
<i>Всего</i>		518,0	53,3	454,2	46,7	972,2	100,0

Составлено по данным: [3, с. 392-393].

В военное время подростки и молодежь являлись наиболее весомым компонентом трудового потенциала, использованного в стратегических интересах индустриальной политики советского государства в Сибирском регионе. Эти людские ресурсы были представлены в основном «детьми НЭПа», высокая численность которых стала важнейшим фактором мобилизационного комплектования рабочего класса в одном из крупнейших тыловых районов страны.

Мобилизация трудового потенциала в отрасли аграрного сектора. В военное время трудовая мобилизация населения проводилась и в сельской местности. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. для колхозников повышалось минимальное число трудодней в год. В большинстве сибирских регионов этот минимум устанавливался в размере 120 трудодней, в том числе для подростков 12-15 лет — 50 трудодней⁹. Увеличение объема обязательных ра-

⁹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4353.htm.

бот было вызвано тем, что деревня выступала главным источником пополнения действующей армии солдатской массой. Во втором полугодии 1941 г. Западная Сибирь отдала фронту более одного миллиона человек. Более половины призывников и резервистов составляли селяне [6, с. 115]. За годы войны мужчин призывного возраста в колхозах региона стало меньше в несколько раз, что привело к глубоким изменениям в численности и структуре трудовых ресурсов. В 1940–1944 гг. в Новосибирской области количество колхозников в возрасте от 16 до 60 лет уменьшилось с 155,7 до 33,9 тыс. человек (табл. 6). Из-за воинских призывов в их составе значительно вырос удельный вес женщин, ставших главной опорой колхозного села. Но одного женского контингента было недостаточно для восполнения большой убыли рабочих рук. По этой причине сфера применения подросткового труда расширялась не только в промышленности, но и сельском хозяйстве.

Таблица 6

Динамика половозрастной структуры населения от 12 до 60 лет в колхозах Новосибирской области в 1940–1944 гг.

Год	Все население от 12 до 60 лет		Мужчины от 16 до 60 лет		Женщины от 16 до 60 лет		Подростки от 12 до 15 лет	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1940	413,0	100,0	155,7	37,7	171,7	41,6	85,6	20,7
1941	336,8	100,0	83,5	24,8	171,7	51,0	81,9	24,3
1942	308,6	100,0	52,2	16,9	171,8	55,7	84,6	27,4
1943	276,0	100,0	38,1	13,8	161,8	58,6	76,1	27,6
1944	255,0	100,0	33,9	13,3	153,5	60,2	67,6	26,5

Составлено по данным: [3, с. 311].

Введение обязательных трудовых для подростков объясняется также повышением доли этой возрастной группы в составе работоспособного колхозного населения. В 1940–1944 гг. в Новосибирской области данный показатель вырос с 20,7 до 26,5 % (см. табл. 6). Если в начале войны юные селяне количественно сравнивались с мужчинами, то к середине войны — превзошли их в

два раза. Сложившаяся ситуация привела к широкому использованию этого трудового резерва в сезонных полевых работах. К концу войны численность подростков в колхозах снизилась, поскольку многие из них были призваны в ремесленные училища и школы ФЗО.

В военное время четверть тружеников колхозных полей относилась к возрастной группе от 12 до 15 лет. Летом — осенью 1941 г. она была представлена людьми 1926–1929 гг. рождения, весной 1945 г. — 1929–1933 гг. рождения. Вместе с поредевшим юношеством мобилизационные возможности молодого поколения заметно возрастали. В 1943 г. в западносибирской деревне насчитывалось более 1,1 млн юношей и девушек 1919–1929 гг. рождения. Их доля среди жителей села в возрасте от 14 до 54 лет достигла 45,2 %, в том числе в возрасте 16–24 лет — 28,8 % (табл. 7). Вместе с подростками и без учета лиц старше 54 лет молодежь составляла свыше половины сельскохозяйственного персонала (до 55 %). На 1 января 1945 г. в совхозах и подсобных хозяйствах Западной Сибири было занято 44 тыс. юношей и девушек [3, с. 392]. Львиная доля молодых селян, большая часть которых принадлежала к поколению «детей НЭПа», трудилась в колхозах. Это поколение являлось одной из крупнейших половозрастных групп трудоспособных колхозников, занимавших в аграрном секторе место ведущей рабочей силы.

Таблица 7

**Половозрастная структура сельского населения
Западной Сибири в возрасте 14–54 лет (1943 г.)**

Возраст, лет	Годы рождения	Оба пола		Мужчины		Женщины	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
14–15	1929–1928	410,5	16,5	195,8	7,9	214,7	8,6
16–17	1927–1926	308,0	12,4	136,6	5,5	171,4	6,9
18–24	1925–1919	407,6	16,4	77,0	3,1	330,6	13,3
14–24	1929–1919	1 126,1	45,3	409,4	16,5	716,7	28,8
25–49	1918–1894	1 112,9	44,6	227,0	9,1	885,9	35,5
50–54	1893–1889	253,8	10,2	89,5	3,6	164,3	6,6
<i>Всего</i>	1929–1889	2 492,8	100,0	725,9	29,1	1 766,9	70,9

Составлено по данным: [6, с. 118].

В первой половине 1940-х гг. подростки и молодежь являлись самым мощным звеном людских ресурсов, использованным для реализации государственной аграрной политики в Сибирском регионе. Большинство этого контингента составляли «дети НЭПа», многочисленность которых позволила укрепить мобилизационный потенциал колхозного крестьянства, подорванный военным лихолетьем.

Выводы

В годы Великой Отечественной войны юные сибиряки, родившиеся в 1920-е гг., сыграли роль важнейшего трудового ресурса экономики Азиатской России. Формирование поколения «детей НЭПа» в основном было следствием естественно-демографических процессов, его массовое включение в производство — хозяйственных. Первый комплекс факторов, представленный рождаемостью и смертностью, оказал огромное влияние на численность и половую структуру подростков и молодых людей 1921–1929 гг. рождения. Второй, связанный с политикой советского государства в сфере занятости, определил использование данного людского потенциала в народном хозяйстве. Демографическая подсистема регионального общества обуславливала мобилизационные возможности подростковых и юношеских возрастных групп, экономическая — масштабы их реализации в интересах военного производства.

Каково было значение изучаемой совокупности людей в воспроизводстве рабочей силы в условиях Второй мировой войны? Анализ демографического компонента трудового потенциала Сибири по переписи 1939 г. показал, что «дети НЭПа» в перспективе должны были занять первостепенное место в новых пополнениях рабочего класса и колхозного крестьянства. С одной стороны, на эту перспективу указывало количественное преобладание рассматриваемой группы сибиряков над

остальными, равными им по числу однолетних когорт, контингентами жителей региона. С другой стороны, она могла воплотиться в жизнь из-за превалирования в юном поколении половозрастных категорий, не поддавших под воинский призыв. Сочетание данных факторов, связанных с динамикой естественного прироста населения в 1920–1930-е гг., привело к тому, что наиболее мощный человеческий ресурс военной экономики сложился именно в подростково-юношеской среде. В первой половине 1940-х гг. этот ресурс существенно уменьшился, но, по-прежнему, оставался весьма значительным на фоне сильно поредевшего среднего поколения работников, которое численно уступало своей молодой смене. Сохранению последней в качестве источника комплектования кадров способствовало наличие в составе юношества женского перевеса и большое количество подростков.

В годы войны мобилизационные меры советского правительства по привлечению накопленных запасов рабочей силы в народное хозяйство обусловили широкие масштабы трудового использования молодежи в сибирском тылу. В индустриальных отраслях подобное явление нашло отражение в преобладании среди новых рабочих подростков и молодых людей, получивших начальное профессиональное образование в системе гострудрезервов. Основная масса юношей и девушек, вставших к станку, принадлежала к людскому контингенту 1921–1929 гг. рождения. В связи с его интенсивной мобилизацией юные труженики в возрасте до 25 лет стали количественно доминировать на предприятиях крупных городов Сибири. В целом по военной индустрии региона эта часть персонала отличалась наибольшей численностью в силу превалирования в ней «детей НЭПа».

О массовом применении подросткового и юношеского труда в аграрном секторе свидетельствовала половозрастная структура сельского (колхозного) на-

селения западносибирского тыла. В совокупности подростки и молодежь до 25 лет, преобладавшие среди занятых колхозников, служили основной трудовой силой деревни. Более половины юных селян относилось к поколению 1920-х гг., что обуславливало их самую высокую долю среди работников сельского хозяйства.

Таким образом, юных тружеников сибирского тыла в совокупности следует охарактеризовать, как специфический экономико-демографический феномен, сложившийся в своей основе в результате взаимодействия двух процессов: естественного воспроизводства населения в 1920–1930-е гг. и государственной мобилизационной политики военного времени. С одной стороны, демографический взрыв нэповской эпохи сформировал, а голод 1932–1933 гг. жестко отшлифовал численный и половой состав подрастающего поколения сибиряков. К началу войны в силу этих тенденций данное поколение трансформировалось в крупнейший компонент трудового потенциала Сибири. С другой стороны, оперативно созданные в 1941–1942 гг. механизмы его мобилизации позволили направить большую массу подростков и молодежи для укрепления рядов рабочих, служащих и колхозников, сильно прореженных призывами в Красную армию. Благодаря этому многочисленные «дети НЭПа» вышли на историческую сцену не только в качестве солдат, но и трудящихся, внесших высокий вклад в экономическую победу над фашистской Германией.

Список использованной литературы

1. Валентей Д. И. Основы демографии / Д. И. Валентей, А. Я. Кваша. — М. : Мысль, 1986. — 284 с.
2. Вишневецкий А. Г. Население и производство / А. Г. Вишневецкий // Модели демографических связей : сб. ст. — М. : Статистика, 1972. — 128 с.
3. Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны / Г. А. Докучаев. — М. : Наука, 1973. — 422 с.

4. Историческая энциклопедия Сибири : [в 3 т.]. Т. 2 : К-Р. — Новосибирск : ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. — 808 с.
5. Исупов В. А. Главный ресурс Победы : людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны / В. А. Исупов. — Новосибирск : ИД «Сова», 2008. — 378 с.
6. Исупов В. А. Людские ресурсы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / В. А. Исупов // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии : сб. науч. тр. — Новосибирск : «Наука-Центр», 2004. — С. 107–121.
7. Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР / А. Я. Кваша. — М. : Статистика, 1974. — 180 с.
8. Кирпичев В. В. Экономико-демографическое развитие региона. Ретроспектива, современность, прогнозные тренды / В. В. Кирпичев. — Смоленск, 2011. — 153 с.
9. Метелев С. Е. Особенности формирования трудового потенциала Сибири : монография / С. Е. Метелев, В. Г. Виноградов, А. Р. Албастова, И. С. Метелев. — Омск : Изд. Васильев В. В., 2008. — 127 с.
10. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма / [редкол. : В. В. Алексеев (отв. ред.) и др.]. — Новосибирск : Наука, 1984. — 376 с.
11. Рубцов С. Н. История формирования и развития трудового потенциала промышленности Восточной Сибири в 1955–1985 гг. / С. Н. Рубцов. — Иркутск : ВСИ МВД РФ, 1998. — 137 с.
12. Соболева С. В. Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии / С. В. Соболева. — Новосибирск : Наука, 1988. — 205 с.
13. Урланис Б. Ц. Проблемы экономической демографии / Б. Ц. Урланис // Проблемы демографии. Вопросы теории и практики : сб. ст. / под ред. Д. Л. Бронера, И. Г. Венецкого. — М. : Статистика, 1971. — С. 90–107.
14. Усачев В. И. Трудовой потенциал пореформенной России: социально-демографические аспекты / В. И. Усачев. — М. : Экон-Информ, 2008. — 319 с.
15. Юферева Л. Е. Проблема формирования и использования трудового потенциала (на примере Восточной Сибири и Дальнего Востока) / Л. Е. Юферева. — М., 1991. — 170 с.

Информация об авторе

Романов Роман Евгеньевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, сектор истории соци-

ально-экономического развития, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rromanov1981@mail.ru.

Author

Roman E. Romanov – Ph.D. in History, Research Officer, Sector of History of Socio-Economic Development, Institute of History of SB RAS, 8, Nikolaev st., Novosibirsk, Russian Federation, 630090, e-mail: rromanov1981@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Романов Р. Е. «Дети НЭПа»: юные труженики сибирского тыла как экономико-демографический феномен (1920-е – первая половина 1940-х гг.) / Р. Е. Романов // Историко-экономические исследования. – 2017. – Т. 18, № 1. – С. 127-151. – DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).127-151.

Reference to article

Romanov R. E. «Children of NEP»: Young workers of the Siberian rear as an economic and demographic phenomenon (1920s – first half of the 1940s). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 1, pp. 127–151. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).127-151. (In Russian).